Шаменков Данил

18+

Книга стихов

Древо Мёртвых

Даниил Евгеньевич Шаменков
Древо мёртвых. Книга стихов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28510680
ISBN 9785449016317

Аннотация

«Древо мёртвых» – первый полноценный сборник стихотворений поэта Даниила Шаменкова, включающий в себя восемьдесят пять его лучших произведений, написанных в 2015–2017 гг. В сборник вошла любовная, философская и пейзажная лирика под его авторством. Все работы расположены в хронологическом порядке, чтобы можно было проследить за изменениями в стиле автора и в его взглядах на жизнь. Ведь все, о чем он пишет, происходило с ним на самом деле и пропитано духом современных реалий.

Содержание

Звезда 6
«Я все пишу…» 7
Книга 8
Amour 1 9
Время 10
«Солнца луч в зенит уйдет…» 11
Une ombre 2 12
Печаль 13
Уйду 14
Первый поцелуй 15
Страшилка 17
Когда-нибудь 19
Орион 20
Терпилам 21
«Покер, где жизни ставят на кон…» 22
«Ты вдохновением моим не будешь…» 23
«Я готов жить без красот и цветов…» 24
Брату 25
Прототип 26
40—56 3 27
«Представь, что мы вместе гуляем по парку…» 29
«Сама любовь нас держит и не отпускает…» 30
#2МЕСЯЦАЛЕТА 31

«Хватит в других добро измерять…» 32
Утро 33
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Древо мёртвых
Книга стихов
Даниил Евгеньевич Шаменков

…И вопреки всему, что скудно,
Нет мочи у меня привыкнуть,
Что, к сожаленью, древо мертвых —
Лишь древо всех живых поэтов…

© Даниил Евгеньевич Шаменков, 2020
ISBN 978-5-4490-1631-7
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Звезда

Во многом был виновен:
В слезах, твоих обидах.
К тебе мне тянет очень
Как будто бы магнитом.
И воля не тверда,
Гордыня выше неба,
Прошло с тех пор два года, —
С тех пор я стал поэтом.
Во мраке, в тлене жизни
Ты мне была лекарством,
Но я звезду снял с неба,
Ее прозвал я Счастьем.
Во многом был виновен:
В твоих улыбках, письмах.
К тебе не тянет больше.
В тебе не вижу смысла.

«Я все пишу…»

Я все пишу…
Пишу четверостишья о любви.
О том, как сильно я люблю любить;
О том, как я люблю,
Когда взаимно руки тянут,
Даря мгновения любви…
И знаю я, любовь не умирает,
Она слегка, совсем немного увядает.
Любовь живет в нас вечно,
А вечное, как говорится, бесконечно.

Книга

«Нужно читать и уважать только те книги, которые учат понимать смысл жизни, понимать желания людей и истинные мотивы их поступков»
Максим Горький.

Взирая на книги в собственном чертоге,
Я мнил себя читателем от Бога,
Но забывал о нечто славном:
О произведении коротком,
В котором есть душа, интрига.
Оно не те штампованные книги,
Оно меняет жизнь, дает о себе знать,
Все стереотипы разрушает,
Что нам так стоит разрушать.

Amour [1]

Пускай нас сны и дальше направляют,
Ведь жизнь как рельсы – долгий путь.
Любовь хочу, чтоб все испепеляла
И ядовитою была, как ртуть.
Пусть рвет и мечет все на свете,
Пускай прогреет многим души.
Я за любовь болею сердцем,
Болею в дымке вездесущей.
Я, верно, свесился с уступа,
Раз говорю про чувства вслух,
Но жить иначе – это глупость,
Пока стук в сердце не потух.
И про любовь могу веками
Все говорить и говорить;
И жить, наверно, не устану,
Пока могу в себя влюбить.

[1] Любовь.

Время

Время не лечит,
Нам коротая путь длинною в вечность,
Стирая кости тех людей,
Что в голове своей похоронил навечно.
Судьба же пусть пустяк лишь сущий,
В нее не верю ни на гран.
И умник пусть, свой срам несущий,
Нам говорит, что «время – штамп».
Я знать не знал об этой вере,
И на устах лишь глупость, брань.
Оно – конца росток и семя,
Ведь пострадал от него сам.
Мне говорили, время лечит,
И молвили все время, что пройдет.
Зачем тогда оно калечит?
Зачем людей безмолвно бьет?

«Солнца луч в зенит уйдет…»

Солнца луч в зенит уйдет,
На смену ночи день придет,
И снег растает, как и лед,
По полюсам метель пройдет.
И на востоке будет утро,
По западу пройдется мгла,
Там, где Сибирь, сиянье в небе,
А на экваторе жара.

Une ombre [2]

Я понял в злополучный день:
Любви все тайны так самозабвенны…
Ты для меня видна как тень,
Но также неприкосновенна.
И мысли с реальностью не схожи,
В них здесь причастен каждый, но
Я верю, в чувствах каждый может
Добиться с мерностью всего.
И эта мысль рвет все в клочья:
В любви все-все самозабвенно.
Ты для меня открыта ночью,
Но утром ищешь мне замену.

[2] Тень.

Печаль

Я на заре заката при свечах
Встречаю милую печаль
И на скамейке возле моря
Сижу и вглядываюсь вдаль.
Уткнусь в подушку я лицом,
Без перерыва буду тосковать,
Себя закончу мнить творцом
И рифмы в голове рождать.
Я в шаге к смерти сущности поэта.
Мне не в диковинку страдать,
Ведь так давно я вижу конец света;
Не повернешь уж время вспять.

Уйду

Я не могу так жить, простите.
Я не вернусь, и даже мне не льстите.
Меня не трогайте отныне,
А я уйду, оставшись лишь в помине.
С котомкой с вечера свалю
За грань, за город, за границу.
Закрою рот и упаду,
Как я не падал еще низко.
Открою душу людям, миру,
И покажу, на что способен,
К чему готов теперь отныне,
Что в юном Мне теперь осудят.
Я не вернусь, и не просите.
Хотел остаться, передумал…
Я вам не нужен. Мне не врите.
Уж лучше сгину вольнодумом.

Первый поцелуй

А помнишь ты,
Когда впервые глянул
в твои очи?
Иль помнишь первый
поцелуй?
А может,
снова сможем
Когда-нибудь
пойти мы на поклон?
Поклон судьбе неумолимой,
Пускай,
быть может,
и потом.
Не помнишь ты,
Мгновение назад
я говорил,
Что ты прекрасна?
Да, этот факт неоспорим,
Но быть с тобой
по-прежнему опасно.
Ты вычеркнешь меня
из списка
Своей уж
белою замазкой.

И будешь кровью
писать письма,
Что все с тех пор
с тобой нормально.

Страшилка

Пугливый чтец читал страшилку.
Читал, внимая атмосфере,
Про то, как разрывается могилка
«Большого» отставного офицера.
Луна кровава и страшна.
Гниет, сочится червяками труп.
Земля всех кладбищ столь грешна,
Что здесь блуждает душегуб.
Дожди идут тут каждый день,
И слышны крики всяких душ.
Под гнетом страха точится кремень,
А мародеры делают свой куш.
Надгробия меняют лица,
А по ночам стоит здесь стук
Как в разных сказках, небылицах,
Где мертвецам все сходит с рук.
Гробовщики так негодуют,
Как расхитители могил.
Вся нежить без конца ликует,
Убив того, кто вышел покурить.
В квартире на полу бутылки
И неподвижно чтец лежал,
А на лице страшна ухмылка…
Похоже, смерть к нему пришла.

Когда-нибудь

В лощине камень сточится об воду,
Там далеко закат уйдет в небытие,
И смерть в бою настигнет воеводу,
Настанет шум средь мертвой тишины.
Прибьется гвоздь последний к доскам,
Уйдет старик мудрейший на покой,
Забудутся стихи как моя проза,
И прекращу я быть самим собой.
Быть может, не пройдет недели,
А может, дня иль часа даже,
Сломлен ведь будет кто сильней,
И станет все чудовищное краше.
Бессмертное погибнет наконец,
Придет восход в последний раз,
И совесть всякий обретет наглец,
Незримое пройдется напоказ.
Иссякнет знаний большинство,
Случится все на этом свете.
Произойдет, но нам-то каково?
Мы все узнаем в новеньком завете.

Орион

И Орион прошел по небу,
Сверкая наготой пахабной,
Прошелся, не оставив следу,
Кривой дугой туда-обратно.
Он осчастливил люд простой,
Паденьем звезд все исполняя.
Всем радость проведя чертой,
По небу звездному шагает.

Терпилам

Искать подвох всюду стало привычкой,
Не сложно быть нынче чем-то в кавычках,
Вправе судить лишь верховный смотритель,
Чья должность звучит сейчас крайне избито,
Крайне искомо, предубедительно,
Участь людей – стать предусмотрительней,
Мимо себя пропуская все сплетни,
Свершая все те же тупые ошибки…
Питая иллюзии, срывая джек-поты,
Слепо гоняясь за глупою модой.
Но вы все клали на эти проблемы,
Нам так не выжить. Хватит. Терпилы.

«Покер, где жизни ставят на кон…»

Покер, где жизни ставят на кон.
По углам вновь знатоки за столом:
Лица – лишь маски, они – жалкий блеф,
Все, что внутри, не видно извне.
Две карты раскрыты из большинства,
Тягуче преимущество сия меньшинства.
«Вскрываемся, – нервно процедил дилер. —
Сейчас мы узнаем, кто из нас киллер».
И время пришло наконец-то понять,
Кто по жизни Кутузов, а кто – Бонапарт.

«Ты вдохновением моим не будешь…»

Ты вдохновением моим не будешь,
Как и не будешь музой.
Любить меня ты не захочешь,
Ведь чувства наши – жалкий мусор.
Ты мне женой не станешь,
Как и не станешь другом.
Пускай признать ты это сможешь,
А для меня все это – муки.

«Я готов жить без красот и цветов…»

Я готов жить без красот и цветов,
Без крови, к естеству приливающей,
Лишь бы в чувствах не было сот,
Так позорно любовь обобщающих.
Без чуждых побед и хотелок,
Без обещаний и их исполнений,
Что бы судьба мне там ни велела
Под видом приказов и осуждений.
Без страстных, убогих прикосновений,
Без благоугодных и плотских утех,
Без страха и всякого рода сомнений,
Отправив все
прямиком в утильцех.
Жить тяжело, особо с запретами.
Обращать время вспять, скрывая ответы,
Лишь судьбы вдогонку громко кричат:
«Вопросам несвойственно жизнь поменять».

Брату

Прости меня. Не спрашивай за что.
Прошу прощенья просто так.
Подавно, хоть пускай все обжито,
Но не забыт мой старенький косяк.
Спасибо, брат. Благодарю тебя за то,
Что не поставил на мне крест,
Что приютил птенца в свое гнездо
И разрешил в нем пить и есть.
Люблю тебя, но не по-братски,
Эта любовь как сына и отца,
И для меня как гордость статская, —
Великая на многие века.

Прототип

Пускай с приветом был немного,
Порою не дружил я с головой,
И не мудрец великий далеко я,
Но счастлив быть самим собой.
Мне все равно на все стереотипы;
На то, что многим я не нравлюсь.
Я не рожден быть прототипом,
Поэтому таким я и останусь.

40—56 [3]

Люблю тебя, роковое число,
Что жизнь изменило невзначай и назло.
Теперь отношусь ко всему по-другому:
Вера в слова, и с нею все туго,
С умением верить и правду ценить,
То, что успел я вдруг полюбить.
И грустный плэйлист вновь на репите:
Хип-хоп и попса, порой хеви-метал.
А в отраженье опять индивид,
В чьих венах вечно что-то кипит.
К лирике тяга и к прозе порой,
Но что-то волочит меня стороной:
Учеба, все личное и потайное;
Внутренний мир, беспорядок в котором,
Вечно в тревоге, в конвульсиях бьется,
И вдохновенья в душе не добьется;
Доверие расшатано в край какой раз,
И в жизни нет счастья не напоказ.
Что стало с миром, что стало со мной?
Что-то мне встало преградой – стеной.
Надгробьем к мечтам и глупым числом,
Что жизнь изменило поэту назло.
Спасибо, пустырь. Спасибо, обитель.

---

[3] Номер семейной ячейки в колумбарии.

Для меня это честь, святая погибель.
Буду я кроток – прими все как есть:
«Прощай, цифра сорок. Прощай, пятьдесят шесть…»

«Представь, что мы вместе гуляем по парку…»

Представь, что мы вместе гуляем по парку
Мимо аллей, газонов и арок.
Странно представить, осознавать,
Как можем друг другу себя доверять.
В эмоциях нет ни контроля, ни смысла,
В мозгах витают лишь пошлые мысли.
Хочу с тобой быть, хочу лишь с одной,
Страшно мне думать, что буду с другой…
Все это бред, забудь о словах,
Мне лишь надо, чтоб рядом была.
К тебе я привык, к твоей доброте,
Привык ко всему и к твоей красоте.
Со мной будь открыта, не надо стесняться.
Раскрепостись. Хочу дальше влюбляться.

«Сама любовь нас держит и не отпускает…»

Сама любовь нас держит и не отпускает,
А ты на струнах чувств мелодию играешь.
В душе во многом каюсь пред тобой
О всем плохом, ведя с собою монолог.
Чистосердечен я желаю быть:
К тебе добрей, с собой спокойней жить.
И как бы сильно этого я не хотел,
Не поняла ты все-таки, как сильно я тебя любил…
А ведь о бытие же речь пошла бы вновь,
да если б стих не про любовь…

#2МЕСЯЦАЛЕТА

Да, не с кем пить, и мне все как-то параллельно,
И в этом есть моя вина, а оттого порою стыдно.
В мечтах себе я буду сам путеводитель
И музу не найду – я уж подавно понял это.
Сведу себе мосты, открою новые просторы.
А много я бы изменил,
да будь все вовсе по-другому?
За многое прощал, но это не ценили…
«Два месяца в запасе». Не надо одолжений!
Кто надо, тот поймет. Стих далеко не всем.
Зачем мне врать, потом все исправлять затем?
А знаешь, ведь я снова вам сумел поверить…
Разбит. Разочарован. К сожаленью.
Спасибо вам, «друзья», конечно,
меня не стоит вам жалеть.
Вы шли бы к черту с такой дружбой,
я буду дальше пить один.

«Хватит в других добро измерять…»

Хватит в других добро измерять,
Свою судьбу надо рыть и менять.
Да, тяжела наша ноша и путь.
Пора наконец от всего ускользнуть.
Мир предстает для нас в неглиже,
И жизнь замене не подлежит.

Утро

От безысходности, уткнувшись носом
прям в асфальт,
Я размышлял, казалось бы, о мудром,
И вспоминал, как я со слезами закрывал гештальт
Тем страшным, роковым, ужасным утром…
Мне думалось как будто все нормально.
Любил мираж, что создавался предо мной,
И ненавидел пелену загадок, тайны,
Что без конца сосали мою кровь.
Вранье заполонило разум гордого поэта,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.